

барскаго плеча и нѣчто изъ обуви. Кромѣ того, такъ какъ платья было немного, потому что Иванъ Федотовичъ вѣчно ходилъ въ халатѣ, то Вухтичу было еще предоставлено въ утѣшеніе держать свою корову на господскомъ кормѣ. Василій Ивановичъ мало оказывалъ почтенія учителю, ѣздилъ верхомъ на его спинѣ, дразнилъ его языкомъ и нерѣдко швырялъ ему книгой прямо въ носъ. Если же терпѣливый Вухтичъ и выйдетъ, бывало, наконецъ изъ терпѣнія и схватится за линейку, Василій Ивановичъ кувыркомъ побѣжитъ жаловаться тятенькѣ, что учитель его, такой, сякой, бьетъ-де его палкой и бранить его дурными словами. Тятенька съ-пьяна раскричится на Вухтича: „Ахъ, ты, съ-дой этакой песь, я тебя кормлю и одѣваю, а ты у меня въ дому шумѣть задумалъ! Вотъ я тебя... смотри, по шеемъ вѣло выпроводить... Не давайъ коровѣ его сѣна...“ А кумушки и приживалки окружатъ Василія Ивановича и начнутъ его утѣшать: „Ненаглядное ты наше красное солнышко, свѣтъ ваша радость, баринъ ты нашъ, позвольте ручку подѣловать... Не слушайте, ягода, золотой вы нашъ, хохла поганого. Онъ — мужикъ, нашъ братъ... Гдѣ ему знать, какъ съ знатными господами обиходить имѣть...“

— „Что же въ самомъ дѣлѣ, — думалъ Вухтичъ, не ходить же по міру“. Заключеніемъ всего этого было то, что Вухтичъ женился на дворовой дѣвкѣ, получилъ въ награжденіе двѣ десятины земли, и воспитаніе Василія Ивановича было окончено.“ (Стр. 177).

Изобразивъ съ такой поразительной вѣрностью «воспитаніе» Василія Ивановича и сказавъ, что даже и оно не испортило его доброй натуры, — авторъ удивляется тому, что всѣ наши дѣды и прадѣды воспитывались такъ же, какъ и Василій Ивановичъ, а между тѣмъ не въ примѣръ намъ были отличнѣйшіе люди, съ твердыми правилами, — что особенно доказывается тѣмъ, что они «крѣпко хранили не по логическому убѣжденію, а по какому-то странному (?) внушенію (?), любовь ко всѣмъ нашимъ отечественнымъ постановленіямъ.» Здѣсь авторъ что-то темновато разсуждаетъ; но, сколько можемъ мы понять, подѣ отечественными постановленіями онъ разумѣетъ старые обычаи, которыхъ наши дѣды и прадѣды дѣйствительно крѣпко держались. Кому неизвѣстно, чего стоило Петру Великому сбрить бороду только съ малѣйшей части своихъ подданныхъ? Впрочемъ, добродѣтель, которая возбуждаетъ такой энтузіазмъ въ авторѣ «Тарантаса» и которая заключается въ крѣпкомъ храненіи старыхъ обычаевъ, — именно изъ того и вытекла, что наши дѣды и прадѣды, какъ говоритъ графъ Соллогубъ, «были точно люди не грамотные». Мы не можемъ прийти въ себя отъ удивленія, не понимая, чему же авторъ тутъ удивляется... Эта добродѣтель и теперь еще сохранилась на Руси, именно — между старообрядцами разныхъ толковъ, которые, какъ извѣстно, въ грамотѣ очень несильны. Китайцы тоже отличаются этой добродѣтелью, именно

потому, что они, при своей грамотности, ужасные невѣжды и обскуранты. Но еще больше китайцевъ отличаются этой добродѣтелью безчисленныя породы безсловесныхъ, которыя совсѣмъ неспособны знать грамотѣ и которыя до сихъ поръ живутъ точь-въ-точь, какъ жили ихъ предки съ перваго дня созданія. Вотъ, если бы авторъ «Тарантаса» нашелъ гдѣ нибудь людей просвѣщенныхъ и образованныхъ, но которые крѣпко держатся старыхъ обычаевъ, и удивился бы этому, — тогда бы мы нисколько не удивились его удивленію и вполне раздѣлили бы его...

Мы не будемъ говорить, какъ Василій Ивановичъ служилъ въ Казани, плясалъ на одномъ балу казачка и влюбился въ свою даму; но мы не можемъ пропустить рачей его «дражайшаго родителя» въ отвѣтъ на «покорнѣйшую» просьбу «послушнѣйшаго» сына о благословеніи на бракъ: «Вишь, щенокъ, что затѣялъ; еще на губахъ молоко не обсохло, а ужъ о бабѣ думаетъ». Отъ матери онъ услышалъ то же самое. Воля мужа была ей закономъ. Даромъ, что пьяница, думала она, а все-таки мужъ. При этомъ авторъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «такъ думали въ старину!». Хорошо думали въ старину! прибавимъ мы отъ себя. Когда милый «тятенька» Василія Ивановича умеръ отъ сивухи, добрые его крестьяне горько о немъ плакали; картина была умиленная... Авторъ очень остроумно замѣчаетъ, что «любовь мужика къ барину есть любовь врожденная и почти неизъяснимая»: мы въ этомъ столько же увѣрены, какъ и онъ... Наконецъ, Василій Ивановичъ женился и поѣхалъ въ Мордасы; на границѣ помѣстья всѣ мужики, «стоя на колѣняхъ», ожидали молодыхъ съ хлѣбомъ и съ солью. «Русскіе крестьяне, — говоритъ авторъ, — не кричатъ виватовъ, не выходятъ изъ себя отъ восторга, но тихо и трогательно выражаютъ свою преданность; и жалокъ тотъ, кто видитъ въ нихъ только лукавыхъ, безсловесныхъ рабовъ и не вѣруетъ въ ихъ искренность.» Объ этомъ предметѣ мы опять думаемъ точно такъ же, какъ самъ авторъ. Если бы Василій Ивановичъ спросилъ у своего старосты, отчего крестьяне такъ радуются, — староста навѣрное отвѣтилъ бы:

...они

На радости, тебя увидя, пляшутъ

Послѣ этого Василій Ивановичъ сдѣлался, какъ и слѣдовало отъ такого воспитанія и такихъ примѣровъ, предобродѣтельнымъ помѣщикомъ. Онъ поправилъ мужиковъ, управляя ими по «русской методѣ», безъ агрономическихъ и филантропическихъ усо-